

(1) «Художник обязан скрыть от публики те усилия, которых ему стоит произведение, – писал Крамской. – Свобода и лёгкость – неперенное наслаждение зрителя». (2) Но лёгкость лёгкости рознь. (3) Размышляя об этом, думая о сложной взаимосвязи между художником и зрителем, я вспоминаю одну сцену из далёких дней моего детства.

(4) Как-то в школе нам объявили, что приехал и выступит перед нами столичный художник - виртуоз. (5) Что означало это слово, никто как следует не понимал.

(6) После уроков все собрались в зале. (7) Школьный сторож Кузьма вынес на сцену столик, два мольберта с поставленными на них чертёжными досками, толстую стопку бумаги. (8) Затем появился сам «виртуоз». (9) Это был полный румяный мужчина с кудрями до плеч и выпуклыми глазами. (10) Он вышел, неся в руке лакированный ящик, живо раскланялся, поставил ящик на стол, щёлкнул застёжками и раскрыл его жестом циркового фокусника. (11) В ящике рядами лежали цветные мелки.

(12) «Виртуоз» прикрепил кнопками к доскам два листа бумаги, затем – опять-таки жестом фокусника – набрал полную горсть мелков, и тут начались чудеса. (13) Листы бумаги стали на наших глазах с необыкновенной быстротой превращаться в картины -пейзажи. (14) Готовые пейзажи «виртуоз» сменял чистыми листами, и вновь возникали как будто сами собой малиновые закаты, избушки в снежных шапках, озёра с лебедями. (15) Наконец «виртуоз» приступил к своему коронному номеру. (16) Сдвинув мольберты вплотную, он начал орудовать обеими руками, малюя одновременно два пейзажа – зимний и летний.

(17) И тут из первого ряда поднялся сидевший там наш учитель рисования Александр Григорьевич. (18) Он направился к выходу. (19) Его седоватая бородка вздрагивала, губы кривились. (20) На его худом лице было выражение нестерпимой обиды. (21) Это выражение лица учителя я вспоминал не раз впоследствии.

(22) Вспоминал, когда бился над первыми своими этюдами, над каким-нибудь, казалось бы, простеньким мотивом. (23) Вспоминал, размышляя о непримиримой вражде между ремеслом и искусством. (24) Вспоминал, думая о поверхностной лёгкости, о заученных приёмах, за которыми не кроется ничего действительно важного или хотя бы искреннего и которые, тем не менее, подкупают порой зрителя, как подкупила когда-то нас, несмышлёнышей, ловкость рук заезжего мастера.

(25) Умение отличить в искусстве настоящее от поддельного – непростое дело. (26) Сложно понять разницу между действительной красотой и красотостью. (27) Многие полагают, что понимание живописи даётся само по себе, не требуя никаких усилий. (28) Но это так же неверно, как и то, что ребёнок, едва научившись складывать слоги в слова, может наслаждаться поэзией Пушкина или прозой Тургенева. (29) Есть дистанция между первой детской песенкой и симфонией Чайковского. (30) И только пройдя эту дистанцию, начинаешь понимать, какие сокровища человеческих чувств кроются в музыке. (31) В каждом из нас природой заложена способность воспринимать прекрасное. (32) Но эта способность, как и все другие природные способности человека, нуждается в развитии.

(По Л.Н. Вольтскому)